

Бегство в буфет

Курс театрального воспитания для детей и их родителей

Эдуард Дорожкин |

«А МОЕЙ Тане, как вы считаете, это смотреть еще не рановато?» — на всякий случай интересуется у меня заботливая мамаша. Тане четыре года, и ее родители запланировали поход в театр — так принято в приличных семьях, так надо, нельзя не пойти, засмеют. Для первого раза, для инициации было выбрано «что полегче» — балет «Ромео и Джульетта» в постановке Юрия Григоровича. И теперь передо мной стоит сложная задача — объяснить так, чтобы не обидеть, что большинство людей, проживающих на Земле, и в семьдесят лет не умеют оценить величие шекспировской трагедии, а четырехлетний ребенок не поймет вообще ничего. Его будет раздражать огромное незнакомое помещение, смущать гигантское количество чужих людей, необходимость одновременно слушать маму, дающую, к ужасу соседей, пространные пояснения, и смотреть на сцену, которую к тому же не очень видно из-за большой и величественной старушечьей головы. Так что придется устроиться к папе на коленки, а от папы невкусно пахнет коньяком. А еще будет греметь музыка, запомнить которую детскому сознанию абсолютно не под силу, и уйти нельзя, потому что «посмотри, Маша, другие девочки сидят».

Бедной Маше еще повезло с полом: парню в театре совсем невмоготу. Юный организм зовет к действию, ему нужна спортивная площадка или, на худой конец, ристалище, как у Тибальда с Меркуцио, а не три часа коту под хвост. А еще: обрядили в какой-то неуютный костюм и запретили кашлять. И вот тут я должен допустить прямое обращение к читателям, главным образом к мамам. Дорогие родители! Взгляните трезво на то, во что вы одеваете детей, готовя их к театру, ведь это выходит театр в театре, если не сказать — цирк. А ведь любовь к изящному отнюдь не предполагает клоунады, скорее наоборот. Отбросьте предрассудки: на утренний «Чиполлино», где зрителей не видно из-за спинок кресел, ребенка совсем не обязательно наряжать так, как будто он идет сдавать историю на вступительных в МГИМО. В неестественной среде, которой даже и для взрослого человека является театр, дайте ему возможность быть в своей тарелке — ну рубашка, ну свитерок. Не случится ничего страшного, если ваша дочь не будет чувствовать себя «маленькой королевой» в розовых рюшах и золотых туфлях, а сын — «настоящим принцем» с платочком в нагрудном кармане. В театре, тем

более в Большой, стоит идти не для того, чтобы стать величием, а чтобы преклониться перед величием, как ни крути.

У потенциального театрала есть два врага — родители, способные в одинаковой мере подтолкнуть интерес к Мельпомене и уничтожить его, и школа, то есть как

бы «семья и школа». Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте? Есть такая повесть. Она — о походе в театр всем классом. Собственно, мое относительно позднее увлечение сценой и кулисами было связано именно с этой детской травмой. Как сейчас помню, нас, учеников

элитной столичной спецшколы, отправили в Московский театр юного зрителя на что-то связанное с Америкой — и это был мюзикл. Отвратительно кривлявшиеся актеры, смертельно тупые диалоги и мои соученики, упорно делавшие вид, что им страшно понравилось. Я совершил тогда страшное преступление, бегство в буфет, окончательно подорвавшее веру классного руководителя в подававшего было надежды ученика. С тех пор я не был ни на одном мюзикле, и даст бог, так и закончу свои дни, не увидев продолжение кошмара.

Детское сознание — загадка большая, чем взрослое. Что приманило меня в театр? Вещи неочевидные, не драма Ромео и Джульетты. Запах лож бенуара в Большом театре (сейчас, увы, уничтоженный). Сцена появления ведьмы в опере-балете Римского-Корсакова «Млада»: очень эффектно открывалась крышка на авансцене, и из-под нее мощно валил зеленый дым. Статуя Командора, протягивавшая руку Дон Жуану в опере Даргомыжского «Каменный гость». Людмила Семеняка в партии Жизели: из бенуара я видел, как в сцене смерти утирали слезы обычные для первых рядов Большого зрители — огромные номенклатурные мужики, прибывшие на партийную конференцию из регионов.

Что еще? Старая Графиня в исполнении Елены Образцовой, с трясущимися руками, демоническая, такая ужасная, что хотелось спрятаться за бортик, — ни один спецэффект не произвел на меня такого впечатления, как игра старых советских артистов. Чуть-чуть повзрослев, лет в двенадцать-тринадцать, я стал прямо гоняться за ними. Среди безусловных побед: я видел Евстигнеева — Фирса дважды, в двух разных постановках, я видел Смоктуновского в «Дяде Ване», Софью Пилевскую, «Холопов» с Еленой Гоголевой, «Ночь игуаны» с Евгением Самойловым, я застал живым Олега Борисова. «Чайка» с Екатериной Васильевой для меня осталась высочайшим образцом реалистического искусства.

И все это, конечно, случилось благодаря тому, что, когда моя мама поинтересовалась у одного умного человека, не пора ли меня вести на «Ромео и Джульетту» (а было мне четыре года), умный человек ответил так: вести — не надо, если понадобится — они сами к нему придут. Так, в общем, и случилось. Уважаемые родители, оставьте Машу в покое!

СОФЯ РЫМОНЦЕВА

У ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРАЛА

два врага — родители, способные в одинаковой мере подтолкнуть интерес к Мельпомене и уничтожить его, и школа, то есть как бы «семья и школа»